

Ирина ФОМЕНКОВА

ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК

Из цикла «Память и беспамятство»

Военная тема в литературе звучит во мне на фоне песни о погибших солдатах – тех, что «не в землю полегли когда-то, а превратились в белых журавлей». Щемящая сердце мелодия и глубокая поэзия этих слов стали для меня лейтмотивом в восприятии творчества белорусского писателя двадцатого столетия – Василя Быкова. Песня Яна Френкеля на слова Расула Гамзатова и про него, потому что писатель Василь Быков оставался солдатом Великой Отечественной войны, рассказывая о ней правду до последнего дня жизни.

Мне выпало счастье жить в эпоху творчества Василя Быкова, встречаться с ним в родном Гродно, увлечённо читать его книги, рождённые в послевоенное время. Да что я! Их читал весь Советский Союз и многочисленные поклонники его творчества во всём мире. К кому-то он пришёл с экранов кино и телевизоров, радиопередач, к кому-то – с театральных подмостков. Но главным проводником его Слова, его мировоззрения остаются книги. Его Слово – это особое,

правдивое, мужское, высокохудожественное слово, проникающее в сущность человека на войне и в сущность самой войны.

Признание и награды для Василя Быкова стали частью его биографии. Член СП СССР с 1959 г., лауреат Литературной премии им. Я.Коласа (1964 г. за повесть «Третья ракета»), лауреат Государственной премии СССР (1974 г. за повести «Обелиск», «Дожить до рассвета»), лауреат Государственной премии БССР (1978 г. за повести «Волчья стая», «Его батальон»), Ленинской премии (1986 г. за повесть «Знак беды»)… Он был членом правления СП СССР и СП БССР, депутатом Верховного Совета БССР, членом общественного редакционного совета

«Литературной газеты».

И при всём этом – никакого пафоса, горделивости. В нём навсегда осталась крестьянская философия родной семьи с Витебщины – философии труда и достоинства человека земли. Это отражалось и в его внешности: лёгкой полуулыбке доброжелательного белоруса и сдержанной печали в глазах – печали человека, прошедшего страшную войну. Всё, что стало содержанием его повестей, – это часть его собственной жизни, вплоть до похоронки на него, полученной матерью в 1944-м. А он всем смертям назло выжил и вернулся, чтобы рассказать о величии подвига и торжестве жизни.

На одной из творческих встреч в Гродно в ту пору, когда Василь Быков возглавлял Гродненское областное отделение СП БССР и работал литературным консультантом в «Гродненской правде» (70-е годы), он доверительно рассказывал: «На войне и даже долго после неё не только писать, но и читать о ней не хотелось. Так тяжело было пережитое. Когда о войне начали писать бывшие лейтенанты, солдаты, это было настоящим откровением. Их книги – обнажённая правда войны, почти документальная проза о ней. Именно эта проза и укрепила моё желание писать про войну».

В 1964-м мы открыли его «Альпийскую балладу», где звучит лирико-трагическая философская тема победы жизни и любви над смертью.

Потом меня потрясла повесть «Волчья стая».

Легко раненому Левчуку приказывают вывести тайными тропами из отряда, попавшего в окружение, раненых и радистку Клаву, которая ждёт ребёнка. Но они попадают в засаду. В живых остаются только Левчук и родившийся в этом ужасе ребёнок. Через много лет он приедет на встречу с ним, позвонит в дверь и услышит:

- Да, да! Заходите, там не закрыто!

Последние слова повести показались мне знаменательными: там, за дверью, живёт хороший человек, открытый благодарности за спасённую жизнь. И ещё. В этой простой житейской фразе – сам Василь Быков. «Прикоснитесь к моему творчеству, – словно говорит он нам, – я открыт для вас всей своей болью, всем пережитым и понятым!»

Сегодня я иногда с горечью думаю, что не каждый читатель, как когда-то мы в 60-е - 80-е годы, будет поглощён сдержанностью сюжета и глубоким проникновением в детали повестей Быкова. Многие сегодня привыкли к калейдоскопу излишне лёгких или излишне трагических ситуаций, в которых в нужное время появляются нужные люди, где описываемые случайности становятся вполне предполагаемыми закономерностями, где любовь обнажена и поверхностна. Такому читателю будет нелегко вникать в детали, которые приобретают у Быкова звучание философии Льва Толстого.

В одном из интервью Василь Быков сказал, что стремится воссоздать образы «скромных людей, которым в памятные годы войны было суждено исполнить свой неприметный, но всегда многотрудный долг в борьбе с немецким фашизмом». Именно эти «скромные» люди приближали нашу всенародную победу.

Василь Быков умел довести сложность психологической борьбы в человеке до высочайшего накала, показывая, как проявляется в критические минуты всё, заложенное в нём предыдущей жизнью.

До этого испытания никто не видел и даже сам герой повести мог не подозревать, что в нём заложены качества могучей личности или, наоборот, отвратительной низости. У Быкова два этих противоположных характера действуют не сами по себе. Писатель сталкивает их, делает взаимозависимыми.

В повести «Сотников» несколько партизан схвачены полицией. Один из них – Рыбак – убеждает себя, что он только изобразит готовность сотрудничать с полицией, а затем, при

первом удобном случае сбежит. Но именно Рыбаку приказывают казнить своего командира – Сотникова.

«Рыбак выпустил подставку под виселицей и отшатнулся – ноги Сотникова закачались рядом...

– Гы, гы! Однако ты способный... – с издёвкой похвалил его полицай.

– Но Рыбак не хотел верить в свою причастность к этой расправе. Он только выдернул этот обрубок, и то по приказу полицая. Непреодолимое отчаянье охватило его. Он застонал, едва подавляя в себе желание завывать, как собака».

Вот так, как у Достоевского: переступил черту – и потерял в себе человека...

А я смотрю на это из сегодняшней жизни и думаю: когда под «флагом» борьбы за свою правду, «выбивают чурбачок» из-под ног самой Истории – это страшно. Опасность этого идеологического самообмана очевидна.

Повесть В. Быкова «Журавлиный крик» тоже о войне, где смерть всегда рядом. Такова суровая правда любой войны. Герой повести Глечик «в минуту затишья перед боем вдруг

услышал удивительно тоскливые звуки, полные почти человеческого отчаянья. Это летел к югу журавлиный клин, и за ним, отчаянно пытаясь нагнать стаю, летел одинокий журавлик и жалобно кричал... Охваченный воспоминаниями, Глечик не сразу услышал далёкий гул танков. Он схватил единственную гранату и стал ждать, а в его душе, охваченной жаждой жизни, всё бился журавлиный крик...».

Ирина ФОМЕНКОВА. [Об авторе.](#)